В метель

Я должна была проехать через эту деревню днём и не заметила, что запоздала. И так короткий день клонился к вечеру. Позёмка засыпает следы ног, равняет тропы, игриво вихрится и белым столбом поднимается в небо. Ты, являясь ей опорой, остаёшься стоймя стоять внутри столбика. Чтобы можно было дышать, рот и нос закрываешь варежками. Она всё тонко щиплет кончик носа, лижет лоб…

— В такое время в путь не выходят. Вон к старухе Хатиме зайди и переночуй. Она ждёт путников, — сказал мне дядя в старой фуфайке, поивший лошадь из желоба около колодца. — Дом её путники любят, а колодезную воду — лошади.

В этот момент в покрытом снежным узором наполовину замёрзшем окне показалась старуха в белом платке, она сделала жест, похожий на приглашение. Я прошла в дом.

— Кошка весь день царапала ковёр. Всю шерсть выцарапала. Значит, метель нескоро угомонится… Айда, айда, проходи… Валенки захвати с собой…

Лицо у неё было суровое, строгое. Глаза хоть и походили на ястребиные, но в них искрился какой-то луч. Следуя за этим лучом, подхватив утонувшие в сугробе валенки, я шагнула в дом.

— Ты не первая и не последняя, — сказала старуха. — Место гостей вон там — в переднем углу. Слава Аллаху, дом просторный! Проходи, айда, проходи.

Полагая, что старуха живёт одна, не ожидала увидеть здесь ещё кого-то. Поэтому вздрогнула от возникшего перед глазами видения. Невозможно было не обратить внимание на мужчину в инвалидной коляске. Похожий на запятую один глаз кажется соединённым с перекосившимся ртом. На месте носа растопырились два от-

верстия. Всё лицо в сине-красных рубцах. И фигура, как статуя, застывшая в сидячем положении. Впрочем, в эту минуту невозможно было найти слова, чтобы передать моё состояние и описать это живое существо.

— Это сын мой, — сказала старуха, увидев, что я остановилась на полпути в растерянности. — Болеет он… Айда, айда, проходи в переднюю комнату.

Хоть и видно было, что горе давнее, но можно было уловить чутьём насколько велика сердечная рана старухи, несмотря на испытания суровой жизни, не сломавшейся под их тяжестью.

Сняв покрывало с кровати, на которую указала хозяйка, я присела на один её угол. Мне было не по себе от тревожного одиночества, опасной неопределённости. «Как же я не смогла уехать», — сожалела я.

— Буран усилился, — сказала старуха, входя. — Трубу соседки Муфлихи даже не видать. — Она, просунув голову в дверь моей комнаты, позвала меня:

— Путница, выходи сюда, почаёвничаем…

Я нерешительно прошла к столу с самоваром.

— У нас в деревне самоваров не осталось уже. Народ давно перешёл на чайники. Я не смогла бросить. Желудок не принимает чай из чайника. Так ведь веселее. Как во времена, когда росли дети. Старик мой, покойный, тоже любил так пить…

Кажущаяся снаружи суровой, про себя старуха улыбалась.

Пение самовара, шум бурана за окном — всё вместе, соединившись, образовали какое-то таинственное состояние. Разливая чай по чашкам, хозяйка поинтересовалась, в какие края я еду. Одна из трёх до краёв налитых чашек чая переместилась ко мне. «И сына собирается, что ли, поить чаем?» — подумала я про себя, потому что невозможно было представить себе, что каменная фигура способна шевелиться.

— Пусть остынет немного, чайной ложкой поить его буду, — сказала старуха, будто читая мои мысли.

Тут послышался скрип двери.

— Соседка идёт, кажется…

И она, встав с места, бормоча себе под нос, пошла к порогу.

— Ветер ворота как бы не открыл, наметёт снега, трудно будет выйти…

— Это мы, мама, — прозвучал молодой голос.

— Ой-ой, это вы, да? Дитя моё пришло.

Она, прижав девочку к груди, долго не двигалась. Затем пригласила:

— Айдате, айдате, проходите!

Молодая женщина зашла и встала у порога. На её пуховую шаль и мутоновый воротник синего пальто осели крупинки снежинок. Всё же она, быстро повернувшись, отряхнула одежду девочки, помогла ей раздеться. В мгновение ока снежинки на одежде растаяли, холодные капли были похожи на слезинки.

Женщина почему-то была очень грустна. Тяжёлым взглядом посмотрела на мужчину в коляске. Не отрывая глаз от него, порылась в сумке, вытащила пару тёплых носков и шагнула вперёд. Преодолевая волнение, произнесла:

— Как ты, Хабибулла? Это вот я тебе привезла…

И девочка пощупала кармашек платья, оттуда вытащила бумажку с рисунком и положила перед мужчиной в коляске.

— Это я для тебя нарисовала, — сказала она.

Подобный же подарок достался и бабушке. Старуха обрадовалась, глаза её прослезились. Только каменная фигура не шелохнулась. Ни один мускул не дрогнул, ни одна морщинка не шевельнулась.

— Не узнаёт он людей, горемыка, — произнесла старуха, повернувшись ко мне.

Так как смотреть на всё это было тяжело, я встала и прошла в переднюю. Бабушка тоже зашевелилась, схватив кумган, направилась во двор.

В полуоткрытую дверь был слышен всхлипывающий плач женщины, которая проклинала свою судьбу.

— Я ведь в другом месте плакать не могу, Хабибулла, — говорила она. — Как только перешагну этот порог, сердце превращается в камень… Душа моя здесь ведь, тело только что-то ищет. Прости ты меня, прости…

— Не плачь, мама, — сказала девочка обиженным голосом. — Дома Тагир-абый[1] опять спросит, отчего глаза у тебя опухли.

Встав с кровати, я бросила взгляд в комнату через

---

[1] *Абый* — дядя, старший брат.

стекло закрытой двери. В голове мелькнуло — дать ей выпить валидол или же настойку пустырника. Однако вдруг остановилась, увидев поразительное явление…

Женщина, перебирая пальцами, гладила волосы мужчины. Так нежно, по-родственному гладила она их. Однако для каменной фигуры это, похоже, не имело значения.

— Опять плачешь?

К голосам присоединился шум кумгана. Женщина молчала. Тыльной стороной руки вытерла глаза, лицо.

— Доченька выросла на этот раз, — сказала старуха и, достав из кармана завязанный узелком носовой платок, принялась его развязывать. Звон монет как будто облегчил тяжёлый воздух.

— Ну-ка, доченьке дам-ка я милостыню…

Девочка улыбнулась. Обняла бабушку за шею.

— Ты уж нас не забывай, дитя моё. Лето начнётся — приезжай подольше пожить.

— Ладно, — ответила девочка, склонив голову. — Только Тагир-абый никак не хочет к вам отпускать…

— Ревнует?

— Не знаю.

— Ты ему скажи: «К трупу не ревнуют. Он ведь мой папа».

— Ладно, — ответила девочка, тяжело вздохнув. — Скажу.

Женщина вдруг встала с места.

— Мы пойдём уж, мама.

— Подождите, чайку возобновим…

— Нет, нет, в другой раз, когда будет по-свободнее, зайдём, искать начнут ещё.

Она торопливо направилась к двери. Девочка пошла за ней.

От этой встречи в душе осталась тяжесть, будто весь свет придавило камнем. И хозяйка, казалось, не могла радоваться. Чтобы облегчить положение, я вышла и села к столу.

— Сноха она моя, — сказала старуха. — Была женой моего Хабибуллы. — Она кивнула в сторону коляски.

— ?..

— Выйти замуж сама дала согласие. Побоялась, что содержать два живых трупа не смогу. Сил не хватит, думала.

Между нами установилась тишина. Прервав тишину, старуха сквозь зубы вымолвила:

— Жена — мужа, муж жену может бросить. Мать ребёнка бросить не может. Этот ребёнок только мой…

В этой фразе была какая-то сила, нравственная высота, глубокое огорчение и самые тяжёлые страдания.

— Где же они живут теперь?

— В городе.

— Давно?

— Четыре года. Совместный ребёнок уже есть. Пусть живут… Лишь бы не страдала…

Подняв голову, она уставилась на стену напротив. Там из рамы на нас смотрели молодая красивая женщина с мужчиной-богатырём. В середине сидит дорогая малышка. У всех троих лица излучают счастье.

— У снохи вашей глаза теперь не такие… Сейчас они очень грустные…

— Одно мгновение изменило всё… — Старуха бросила на меня взгляд, говорящий о том, что это поймут лишь те, на чью долю выпало подобное, и продолжила: — Мгновение способно одних убить, других возродить. Мы просто не верим в это, пока не увидим собственными глазами. Когда уходил из дома, такой он был счастливый… На своём мотоцикле летел как птица, сынок мой. В соседнюю деревню поехал за невесткой и внучкой. «Поздно уже, пусть у родителей ещё ночку проведёт, а утром, как рассветёт, съездишь за ними», — говорила ему… «Без них дома не уютно, мама. Как будто весь мир опустел», — ответил он. Торопился… А на дорогу, оказывается, привезли и свалили гальку. Раскидать не успели, стемнело. Вот и всё: в полном здравии уехал сынок, а домой доставили изуродованного… — Она тяжело вздохнула. — Ни сознания, ни памяти нет теперь…

Я про себя искала слова утешения. Слова не находились.

— Ребёнок, он принадлежит только матери, — сказала старуха, вновь прервав тишину и, разжевав, положила в рот сыну мясо, чайной ложкой дала ему воды.

Каменная фигура без движения проглотила всё это.

«Мгновения… Судьбы состоят из мгновений…» В моей душе слова простой деревенской старухи, матери, вырастившей сына, простые слова превратились в большую истину. Я поняла, что истина может быть и очень